

УДК 343.985.5

С.В. Ермаков, канд. юрид. наук

Барнаульский юридический институт МВД России

E-mail: ermaksv_alt22@mail.ru

КРИТЕРИИ ПРОВОКАЦИИ В ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье поднята и раскрыта проблема отсутствия в нормативно-правовых актах четко регламентированных критериев провокации в оперативно-разыскной деятельности. На основе анализа судебной практики Европейского Суда по правам человека выделены и раскрыты критерии провокации в оперативно-разыскной деятельности. Также дается авторская трактовка запрещенного ведомственными нормативными актами при проведении оперативно-разыскного мероприятия «Проверочная закупка» «психологического давления» на продавца с целью склонения к продаже предметов, веществ, в т.ч. наркотических, и продукции, свободная реализация которых запрещена либо оборот ограничен, а также к оказанию услуг. Исследован и представлен подход Верховного Суда РФ относительно принципиальных правовых позиций Европейского Суда по правам человека на провокацию преступления в оперативно-разыскной деятельности. Констатирована необходимость нормативно-правового закрепления понятия и критериев провокации при осуществлении оперативно-разыскной деятельности, а также дополнений в ведомственных нормативных актов в части, касающейся корректировки понятий оперативно-разыскных мероприятий, в ходе которых она возможна (в первую очередь оперативный эксперимент и проверочная закупка), их организации и тактики, а также норм, регламентирующих агентурную работу.

Ключевые слова: оперативно-разыскная провокация преступления, критерии оперативно-разыскной провокации преступления.

S.V. Ermakov, PhD. (Candidate of Juridical Sciences)

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: ermaksv_alt22@mail.ru

CRITERIA OF PROVOCATION IN THE OPERATIVELY-INVESTIGATIVE PROCESS

The article raises and reveals the problem of the absence of clearly regulated criteria of provocation in the operatively-investigative activity in normative legal acts. The criteria of provocation in operatively-investigative activity are allocated and disclosed on the basis of the analysis of judicial practice of the European Court of Human Rights. The article gives the author's interpretation of the «psychological pressure» forbidden by departmental regulations when carrying out operatively-investigative action «test purchase» on the seller for the purpose of inducement to sale subjects, substances, including drugs and products, the free sale of which is prohibited or restricted turnover, as well as the provision of services. The approach of the Supreme Court of the Russian Federation concerning fundamental legal positions of the European Court of Human Rights on provocation of a crime in operatively-investigative activity is investigated and presented. The necessity of normative-legal consolidation of the concept and criteria of provocation in the implementation of operatively-investigative activity, as well as additions to departmental regulations in terms of adjusting the concepts of operatively-investigative activity measures, during which it is possible (primarily operational experiment and verification procurement), their organization and tactics, as well as the rules governing the agency work.

Keywords: operatively-investigative provocation of the crime, the criteria for an investigative provocation of a crime.

Критерий (от греч. *kriterion* – средство для суждения) – признак, на основании которого производится оценка, определение или классификация чего-либо; мерило оценки [1, с. 297].

Дополнив Федеральный закон об оперативно-разыскной деятельности нормой, запрещающей провокацию, законодатель не закрепил в ней, а также в других нормативных правовых актах ее критерии. Данный подход, по нашему мнению, был следствием убежденности в том, что ответы на данные вопросы содержатся в области уголовного права. Норма оказалась достаточно востребованной в правоприменительной практике, особенно стороной защиты, а отсутствие указанных критериев и неоднородность практики ее правоприменения дают ей возможность для соответствующего правового маневра.

В данной ситуации оперативно-разыскная, следственная, судебная практики ориентируются, а порой и руководствуются судебными прецедентами, большей частью Европейского Суда по правам человека. Объективно оценивая действительную ситуацию, следует назвать ее противоречащей российской системе права, источником которого судебный прецедент не является.

Таким образом, следует констатировать, что уже достаточно давно образовался и на сегодняшний день имеет место правовой пробел, связанный с отсутствием критериев провокации, который до сегодняшнего дня, как это ни парадоксально, так и не устранен.

Ряд исследователей, изучая судебную практику по рассматриваемой проблеме, обозначали вытекающие исходя из ее анализа критерии провокации, предлагая свои комментарии и рекомендации, направленные на соблюдение вышеуказанного запрета. Обратимся и мы к соответствующему кругу вопросов в поисках существенных критериев провокации.

Одно из таких решений, получившее широкую известность, – постановление ЕСПЧ от 15.12.2005 по делу «Ваньян (VANYAN) против Российской Федерации». Из обстоятельств дела следует, что Г.А. Ваньян утверждал, что его спровоцировали сотрудники милиции, действовавшие через своего агента, который попросил приобрести для него наркотики. В постановлении по делу ЕСПЧ пришел к выводу о том, что в отношении осужденного было допущено нарушение его права на справедливое судебное разбирательство, предусмотренное ч. 1 ст. 6 Европейской конвенции «О защите прав человека и основных свобод».

ЕСПЧ констатировал, что «если преступление было предположительно спровоцировано действиями тайных агентов, и ничто не предполагает, что оно было бы совершено и без какого-то вмешательства, то эти действия уже не являются деятельностью

агента и представляют собой подстрекательство к совершению преступления. Подобное вмешательство и использование его в уголовном процессе могут привести к тому, что будет непоправимо подорван принцип справедливости судебного разбирательства».

Кроме того, ЕСПЧ указал, что «не было доказательств того, что... у милиции были основания подозревать заявителя в распространении наркотиков. Простое заявление сотрудников милиции в суде о том, что они располагали информацией о причастности заявителя к распространению наркотиков, которое, судя по всему, не было проверено судом, не может приниматься во внимание» [2].

Близким по смыслу является постановление ЕСПЧ от 26.10.2006 по делу «Худобин (VANYAN) против Российской Федерации». По делу обжаловалось то, что обвинение заявителя в сбыте наркотических веществ было полностью основано на доказательствах, полученных в результате провокации со стороны сотрудников милиции. По делу допущено нарушение ст. 3, п. 4 ст. 5, п. 1 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Исходя из обстоятельств дела следует, что 29 октября 1998 г. Т., являвшаяся сотрудницей органов внутренних дел, работала под прикрытием, позвонила заявителю и сказала, что хочет приобрести дозу героина. Заявитель согласился достать для нее дозу и вместе с М. встретился с Т. на улице. Т. передала заявителю денежные купюры, полученные от сотрудников органов внутренних дел С. и Р., помеченные специальным веществом (которое видно только в ультрафиолетовых лучах). Заявитель взял деньги и отправился домой к еще одному человеку – Г. Последний передал заявителю маленький пакетик, в котором находилось 0,05 грамма героина. По возвращении к месту встречи с предполагаемым покупателем заявитель был задержан сотрудниками органов внутренних дел, ожидавшими его на улице.

Европейский Суд подчеркнул ряд характерных моментов в этом деле, в частности тот факт, что вмешательство двух полицейских не являлось частью операции, находившейся под контролем судебных органов, и что у внутрисударственных органов не было достаточных причин, чтобы подозревать заявителя в причастности к торговле наркотиками в прошлом: у него не было криминального прошлого и оснований полагать, что он имел предрасположенность к распространению наркотиков до того, как сотрудники полиции предложили ему сделку [3].

Определенная совокупность критериев провокации, выработанных ЕСПЧ, изложена в вынесенном им постановлении от 04.11.2010 «Дело Банникова (Bannikova) против Российской Федерации». По делу обжалуется проведение сотрудниками органов Федеральной службы безопасности оперативно-разыск-

ного мероприятия в виде проверочной закупки, приведшее к совершению заявительницей преступления, связанного с незаконным сбытом наркотического средства.

Интерес к данному решению обоснован тем, что в нем ЕСПЧ, обобщив свою практику, сформулировал и раскрыл следующие критерии провокации:

1. *Содержательный критерий провокации.* Обозначив данный критерий, ЕСПЧ указал на то, что при определении провокации необходимо в первую очередь попытаться установить, могло ли соответствующее преступление быть совершено без вмешательства властей. Раскрывая его, ЕСПЧ сослался на определение провокации, приведенное им в деле «Раманаускас против Литвы», которое предполагает следующее. «Полицейская провокация случается тогда, когда задействованные должностные лица, являющиеся или сотрудниками органов безопасности, или лицами, действующими по их указанию, не ограничивают свои действия только расследованием уголовного дела по существу неявным способом, а воздействуют на субъект с целью спровоцировать его на совершение преступления, которое в противном случае не было бы совершено, с тем, чтобы сделать возможным выявление преступления, то есть получить доказательства и возбудить уголовное дело...» [4].

2. *Наличие достаточных оснований для подозрения лица, в отношении которого проводится оперативно-разыскная деятельность, в противоправном поведении (критерий наличия объективных подозрений).* В части данного критерия было указано на то, что при решении вопроса о том, являлось ли расследование «по существу неявным», необходимо изучить причины, лежащие в основе проведения оперативной операции, и поведение властей, проводивших ее. Вывод о наличии или отсутствии провокации должен основываться на том, имели ли место объективные подозрения в том, что вышеуказанное лицо задействовано в преступной деятельности или предрасположено к совершению преступления. Определяя данный критерий, ЕСПЧ опирался на Постановление по делу «Тейшейро де Кастро против Португалии», сделав акцент на том факте, что, исходя из обстоятельств указанного дела, по-видимому, национальные власти не обладали достаточными основаниями для подозрения заявителя в том, что он ранее принимал участие в сбыте наркотиков: «...Он не имел криминального прошлого и в отношении него не возбуждалось уголовное дело. В действительности он не был известен полицейским, которые вступили с ним в контакт только при посредничестве В.С. и Ф.О. Кроме того, наркотики не находились дома у заявителя; он получил их от третьих лиц, которые в свою очередь получили их от другого лица... Решение Верховного суда от 5 мая 1994 г. не свиде-

тельствует о том, что в период задержания у заявителя находилось большее количество наркотиков, чем требовали сотрудники полиции, что свидетельствовало бы о том, что он вышел за пределы провокации со стороны полиции. Доказательств довода властей государства-ответчика относительно того, что заявитель был предрасположен к совершению преступлений, не имеется» [5].

В рассматриваемом решении ЕСПЧ вновь сослался на ранее имевшие место решения по делам «Ваньян против Российской Федерации» и «Худобин против Российской Федерации», указав на то, что любая предварительная информация, касающаяся существующего намерения совершить преступление, должна быть проверяема и национальные власти должны быть способны продемонстрировать на любой стадии, что они обладают достаточными основаниями для проведения оперативного мероприятия. Аналогичная позиция ЕСПЧ нашла отражение в постановлениях ЕСПЧ от 1 июля 2008 г. по делу «Малинина против Литвы» и по делу «Еврофинаком против Франции» [10, 6].

Сославшись на Постановление от 29 сентября 2009 г. по делу «Константин и Стоян против Румынии», ЕСПЧ прокомментировал свою позицию относительно криминального прошлого соответствующего лица, конкретизировав, что даже если в прошлом заявитель и привлекался к уголовной ответственности, это само по себе не является признаком того, что в настоящем он осуществляет какую-либо преступную деятельность. ЕСПЧ подчеркнул, что, как сказано в указанном решении, «ничто в прошлом заявителей не свидетельствует о его склонности к торговле наркотиками. Сам по себе тот факт, что один из них был осужденным наркоманом... не может изменить вывод Европейского Суда. Европейский Суд отмечает, что не приведено каких-либо подробностей, равно как и не представлено объективных доказательств предполагаемого незаконного поведения заявителей в решении о возбуждении уголовного дела. Более того, героин не был обнаружен ни у первого заявителя, ни дома у второго заявителя» [7].

Раскрывая признаки существующей криминальной деятельности или намерения совершить преступление, ЕСПЧ на примере постановления по делу «Шаннон против Соединенного Королевства», а также упомянутого выше постановления от 26.10.2006 по делу «Худобин (VANYAN) против Российской Федерации» указал, что таковыми могут служить: явная осведомленность заявителя о действующих ценах на наркотики и его способность незамедлительно достать их, а также материальная выгода заявителя от сделки [8, 3].

В постановлении по делу «Банникова (Bannikova) против Российской Федерации» ЕСПЧ указал на

то, что тесно связанным с критерием наличия объективных подозрений является критерий *этапа*, на котором национальные власти осуществляют оперативное мероприятие, т.е. просто ли оперативные сотрудники «присоединились» к совершению уголовного наказуемого деяния или спровоцировали его. Конкретизируя данный критерий, ЕСПЧ воспроизвел доводы, на которых он основывал свои выводы в деле «Секвейра против Португалии», где было установлено, что подстрекательства со стороны полиции не было, поскольку «в данном деле национальными судами было установлено, что А. и С. начали сотрудничать со следственным департаментом на том этапе, когда заявитель уже вступил в контакт с А. с целью организации поставки кокаина в Португалию. Более того, начиная с этого времени деятельность А. и С. осуществлялась под надзором следственного департамента, прокуратура была проинформирована о проведении операции. Наконец, у национальных властей не было достаточных оснований для подозрения заявителя в намерении организовать операцию по торговле наркотиками». Данные факты позволяют установить явные отличия дела «Секвейра против Португалии» от дела «Тейшейро де Кастро против Португалии», а также свидетельствуют о том, что фигурирующие в первом А. и С. не могут рассматриваться как провокаторы. Продолжая ссылаться на дело «Секвейра против Португалии», ЕСПЧ акцентировал внимание на том, что, как подчеркнули национальные власти, их действия не превысили пределов надлежащей деятельности оперативных сотрудников [9].

3. Следует отметить, что рассматриваемое постановление дает некоторые ответы на вопрос, что представляет собой как определенный элемент подстрекательства запрещенное ведомственными нормативными актами при проведении оперативно-разыскного мероприятия «Проверочная закупка» психологическое давление на продавца с целью склонения к продаже предметов, веществ, в т.ч. наркотических и продукции, свободная реализация которых запрещена либо оборот ограничен, а также к оказанию услуг. Так, сославшись на постановление ЕСПЧ по делу «Милиниине против Литвы», психологическим давлением ЕСПЧ признал неоднократный повтор предложения продать наркотики, несмотря на первоначальный отказ лица, настойчиво торопя его, поднимая цену выше средней [10]. Под ним же в соответствии с позицией ЕСПЧ, отраженной в указанном выше постановлении ЕСПЧ «Ваньян против Российской Федерации», следует понимать аналогичное предложение, основанное на инициализации чувства сострадания у сбытчика к закупщику, который говорит о мучающей его «ломке» [2]. Соответствующий вывод в деле «Раманаускас против Литвы» предус-

матривает следующее: «Во-вторых, как следует из записи телефонных разговоров, все встречи заявителя и АЗ имели место по инициативе последнего; данный факт противоречит доводу властей государства-ответчика о том, что власти не подвергали заявителя какому-либо давлению или угрозам. С другой стороны, посредством контакта, установленного по инициативе АЗ и ВС, на заявителя, по-видимому, оказывалось давление с их стороны с целью очевидного ускорения совершения преступлений, несмотря на отсутствие доказательств, за исключением слухов, подтверждающих его намерение осуществлять преступную деятельность» [4].

4. Критерий происхождения инициативы преступного поведения. Конкретизируя данный критерий, ЕСПЧ указал, что он применялся в ряде дел, в которых полиция вступала в дело только после обращения к ней частного лица (не сотрудничающего с полицией и не являющегося ее информатором) с информацией, свидетельствующей о том, что заявитель уже начал осуществлять преступную деятельность. В упоминавшемся выше деле «Шаннон против Соединенного Королевства» Европейский Суд постановил следующее: «Возвращаясь к обстоятельствам данного дела, Европейский Суд отмечает, что роль национальных властей сводилась к уголовному преследованию заявителя на основании информации, которая была передана им третьими лицами. Заявитель "подставил" журналист, частное лицо, который не являлся представителем государства, не действовал в интересах полиции, по ее указанию или под ее контролем. Полиция ранее не обладала сведениями об операции М., до того, как ей были представлены аудио- и видеозапись произошедшего. Следовательно, Европейский Суд приходит к выводу о том, что ситуация в настоящем деле отличается от той, которую Европейский Суд исследовал в Постановлении по делу "Тейшейро де Кастро против Португалии". Далее ЕСПЧ констатировал, что впоследствии в постановлении от 24 июня 2008 г. по делу "Милиниине против Литвы" и постановлении от 16 июля 2009 г. по делу "Гордиевский против бывшей Югославской республики Македония" ЕСПЧ, столкнувшись с ситуацией, в которую были вовлечены частные лица, подтвердил свой подход, а также установил, что не имело место подстрекательство. Согласно соответствующему выводу, приведенному в деле "Милиниине против Литвы". Инициатива в данном деле имела место со стороны SS – частного лица, который, осознав, что заявитель будет требовать взятку в целях разрешения дела в благоприятную для него сторону, обратился в полицию. Впоследствии полиция обратилась к заместителю Генерального прокурора, который санкционировал и возбудил последующее расследование в правовых рамках симулирования уголовно наказуе-

мого поведения, предоставив иммунитет от уголовного преследования SS в обмен на получение доказательств в отношении подозреваемого. Поскольку SS обладал поддержкой полиции для существенно-го финансового стимулирования заявителя, а также предоставленными ею техническими средствами для записи разговора, является очевидным то, что полиция оказывала влияние на ход событий. Тем не менее ЕСПЧ не считает, что роль полиции была чрезмерна, учитывая их обязанность осуществлять проверки по жалобам о совершении преступлений, а также необходимость пресечения разрушающих последствий коррупции среди судей в соответствии с принципом верховенства закона в демократическом обществе. Он также не считает, что полиция служила в качестве определяющего фактора. Решающим в данном деле было поведение SS и заявителя. В связи с этим ЕСПЧ признает, оценив обстоятельства дела, что полиция, можно сказать, "присоединилась" к преступной деятельности, а не спровоцировала ее. Таким образом, действия полиции скорее находились в пределах оперативной работы, а не являлись провокационными, что привело бы к возможному нарушению п. 1 ст. 6 Конвенции...».

Применив тот же критерий в упоминавшемся выше деле «Милинине против Литвы», ЕСПЧ установил, что оперативное мероприятие предполагало провокацию: «Европейский Суд отмечает, что инициатива поступила именно со стороны офицера В., когда он первым вышел на связь с заявителем, интересуясь, где можно приобрести запрещенные наркотики. Затем заявитель сам предложил доставить их. В процессе сделки заявителю была предложена значительная сумма – 3000 долларов США – за поставку большого количества наркотиков. Очевидно, что это является побуждением для доставки товара. Суд первой инстанции признал решающей роль полиции... Данные признаки в настоящем деле, по мнению Европейского Суда, свидетельствуют о расширении функции полицейских от оперативных сотрудников до провокаторов. Они не просто "присоединились" к совершающемуся преступлению, но и спровоцировали его. Неизбежным выводом из указанных обстоятельств является то, что полиция не ограничилась расследованием преступной деятельности пассивным по сути способом, а оказала воздействие, которое привело к совершению преступления...».

Заканчивая рассмотрение постановления по делу «Банникова (Bannikova) против Российской Федерации», необходимо отметить, что ЕСПЧ отметил в нем еще одну принципиальную в части, касающейся критериев провокации, вещь. Сославшись на упоминавшиеся выше постановления Европейского Суда по делам «Ваньян против Российской Федерации» и «Худобин против Российской Федерации», ЕСПЧ

сделал акцент на необходимости наличия ясного и предсказуемого порядка получения разрешения на проведение следственных действий, а также осуществления за ними надлежащего надзора. В деле «Худобин против Российской Федерации» Европейский Суд установил нарушение, отметив, в частности, что мероприятие, проводимое органами внутренних дел, было санкционировано обычным административным решением органа, который впоследствии и проводил мероприятие; решение содержало очень мало информации относительно оснований и целей планируемой проверочной закупки, а оперативное мероприятие не подвергалось контролю ни со стороны суда, ни иного независимого органа.

Что касается органа, осуществляющего контроль за проведением оперативных мероприятий, Европейский Суд постановил, что контроль со стороны судебного органа являлся бы наиболее надлежащим средством, тем не менее при наличии соответствующего порядка и гарантий могли бы действовать и иные средства, такие как, например, надзор со стороны прокуратуры.

В связи с многочисленными ошибками, допускаемыми правоохранительными органами при расследовании и судами при рассмотрении указанной категории уголовных дел, Верховный Суд РФ принял решение об обобщении принципиальных правовых позиций ЕСПЧ на провокацию преступления, в результате которого был утвержден Президиумом Верховного Суда РФ от 27.06.2012 «Обзор судебной практики по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ». Согласно указанному обзору органу следствия при рассмотрении уголовных дел, возбужденных по результатам проведения ОРМ «Проверочная закупка», необходимо учитывать, что при проведении повторного ОРМ «Проверочная закупка» у одного и того же лица данное мероприятие должно быть обоснованным и мотивированным, в т.ч. обоснованным и мотивированным новыми основаниями и целями, с обязательным вынесением нового мотивированного постановления о проведении ОРМ «Проверочная закупка».

В случае проведения повторных ОРМ «Проверочная закупка» по одним и тем же основаниями и для достижения одних и тех же целей ее результаты будут признаны недопустимыми, т.к. проведение данной повторной проверочной закупки является необоснованной.

Иными словами, каждое последующее ОРМ «Проверочная закупка», осуществляемое в отношении одного и того же лица, проводится для того, чтобы установить обстоятельства преступной деятельности лица, которые до ее проведения не были

известны правоохранительным органам (например, вторая и последующие проверочные закупки проводятся с целью установления мест хранения наркотических средств; механизма и мест сбыта; с целью установления канала поставки наркотиков; соучастников преступной деятельности; установления роли, функций лица в преступной группе, его места в иерархии преступной группы и т.п.).

При этом цели, для достижения которых проводились повторные проверочные закупки, должны достигаться, т.е. правоохранительный орган в результате проведения конкретной проверочной закупки должен получить информацию, для достижения которой указанное ОРМ и проводилось.

Недостижение целей, для достижения которых проводилось указанное ОРМ, не оправдывает проведение данных ОРМ (например, в результате проведения второй проверочной закупки с целью установления соучастников преступления цель данного ОРМ не была достигнута, т.е. соучастники не были установлены; третья проверочная закупка проводилась в целях установления канала поставки наркотика, которая также не была достигнута – в данных случаях весьма вероятно, что указанные проверочные закупки будут признаны судом проведенными как необоснованные, т.к. правоохранительный орган не может бесконечно проводить проверочные закупки в отношении одного и того же лица, пусть даже для достижения различных целей, цели проведения которых не достигаются) и также расценивается как провокация либо безосновательное проведение ОРМ.

Основания и цели проведения каждой проверочной закупки, результаты их проведения, кроме оперативных документов (справки-меморандумы, постановления о проведении проверочных закупок и т.д.), должны в обязательном порядке фиксироваться в протоколах допросов оперативных сотрудников.

В большинстве случаев только показания оперативных сотрудников раскрывают оперативный замысел, цели, которые они хотели достичь при проведении ОРМ, какие цели были достигнуты (т.е. что стало известно при проведении 2-ой и последующей «Проверочной закупки»).

Вместе с тем проведение неоднократных проверочных закупок при соблюдении всех необходимых условий, касающихся легальности их проведения, дает реальную возможность сбора доказательств преступной деятельности всех соучастников преступных групп либо конкретного лица, выявить руководителя и т.д.

Так, в следственном органе Управления ФСКН России по Брянской области расследовалось уголовное дело по обвинению 9 членов ОПС в совершении 72 преступлений.

Совершенные участниками преступного сообщества покушения на незаконный сбыт наркотиков выявлены в ходе проведения ОРМ «Проверочная закупка» (всего 52 проверочных закупки, т.е. в среднем по 5 закупок у каждого лица).

В ходе проведения проверочных закупок оперативные сотрудники в каждом случае указывали в постановлении о проведении ОРМ различные цели (от установления причастности лица к незаконному сбыту наркотиков до совершения преступлений в составе организованной группы, установление источника) и достигли их, получив подтверждение причастности лиц к указанным преступным деяниям.

При этом в каждом случае подготовка и проведение ОРМ «Проверочная закупка» сопровождалось комплексом ОРМ («ПТП», «Наблюдение», «Наведение справок» и т.д.).

Таким образом, недостижение поставленных целей при проведении первоначальных ОРМ в большинстве случаев свидетельствует о недостаточности усилий оперативных подразделений, направленных на документирование преступной деятельности, и не может служить оправданием для проведения ряда аналогичных мероприятий, которые также не увенчались успехом.

Исходя из рассматриваемого обзора, во избежание фактов незаконного возбуждения уголовных дел, незаконного привлечения лиц к уголовной ответственности необходимо при проверке законности и обоснованности проведения ОРМ «Проверочная закупка» особое внимание уделять на указанные в постановлении цели повторного проведения ОРМ и достигнутые результаты (в постановлении о проведении ОРМ «Проверочная закупка» должна быть указана его конкретная и достижимая цель, основанная на оперативно значимой информации, полученной в результате проведения иных ОРМ («Наблюдение», «ПТП» и т.д.).

Кроме того, в рамках взаимодействия с оперативным подразделением необходимо еще до проведения ОРМ «Проверочная закупка» проводить рабочие встречи с оперативным составом, изучать дела оперативного учета, давать справки-рекомендации относительно законности и обоснованности проведения проверочной закупки.

После проведения первой проверочной закупки и возбуждения по ее результатам уголовного дела последующие проверочные закупки могут проводиться по поручению следователя на проведение комплекса ОРМ, направленных на установление лица, сбывшего наркотика, источника поступления наркотика, соучастников его преступной деятельности и т.п., которое дается в рамках возбужденного уголовного дела.

При возникновении вопросов, связанных с законностью проведения ОРМ, необходимо обращаться к руководству следственной службы, а также к надзирающему прокурору для дачи пояснений.

Таким образом, констатируя отсутствие нормативно-правового закрепления критериев провокации при осуществлении оперативно-разыскной деятельности, полагаем, что данный пробел позволит вос-

полнить: во-первых, понятие провокации, которое необходимо закрепить в ФЗ Об ОРД; во-вторых, внесение дополнений в ведомственные нормативные акты в части, касающейся корректировки понятий оперативно-разыскных мероприятий, в ходе которых она возможна (в первую очередь, оперативный эксперимент и проверочная закупка), их организации и тактики, а также норм, регламентирующих агентурную работу.

Литература

1. Большой энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия; СПб.: Норинт, 2001.
2. Постановление ЕСПЧ от 15.12.2005 по делу «Ваньян (Vanyan) против Российской Федерации» (жалоба № 53203/99) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2006. № 7.
3. Постановление ЕСПЧ от 26.10.2006 по делу «Худобин (Khudobin) против Российской Федерации» (жалоба № 59696/00) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2007. № 11.
4. Постановление ЕСПЧ от 5 февраля 2008 г. по делу «Раманаускас против Литвы» // Российская хроника Европейского суда. 2010. № 3.
5. Постановление Европейского суда от 9 июня 1998 г. по делу «Тейшейро де Кастро против Португалии» № 44/1997/828/1034. URL: <http://echr.ketse.com/doc/25829.94-en-19980609/view/>.
6. Постановления ЕСПЧ от 07.09.2004 по делу «Компания "Еврофинаком" (Eurofinacom) против Франции» (жалоба № 58753/00) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2005. № 1.
7. Постановление от 29 сентября 2009 г. по делу «Константин и Стоян против Румынии» (от 29 сентября 2009 г., жалобы № 23782/06 и 46629/06) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2009.
8. Постановление от 6 апреля 2004 г. по делу «Шаннон против Соединенного Королевства» (жалоба № 67537/01, ECHR 2004-IV) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. 2004. № 9.
9. Постановление Европейского Суда по правам человека от 6 мая 2003 г. по делу «Секвейра против Португалии» (жалоба № 73557/01, ECHR 2003-VI) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. № 10/2003.
10. Постановление Европейского Суда по правам человека от 24 июня 2008 г. по делу «Милиниене против Литвы» [Miliniene v. Lithuania] (жалоба № 74355/01) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. № 11/2008.